

Русско-японская война 1904–1905 г. и Корея

Владимир Александрович Гринюк,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, Москва.
E-mail: vladimirgrinyuk@mail.ru

В статье Корея рассматривается как главный объект соперничества между Россией и Японией, ставший причиной Русско-японской войны, а также как первая стратегическая цель боевых действий армии и флота Японии. Дается правовая оценка экспансии Японии в Корею. Описываются попытки Кореи сохранить её нейтралитет. Показывается отношение корейцев к России и Японии накануне, во время и после Русско-японской войны.

Ключевые слова: интересы и влияние Японии в Корею, соперничество России и Японии, протекторат, Портсмутский мирный договор.

Russo-Japanese War 1904–1905 and Korea

Vladimir Grinyuk, Cand. Sc. (History), Senior researcher, Institute of Far Eastern Studies RAS, Moscow.

In this article Korea is considered as a main object of the rivalry between Russia and Japan which caused Russo-Japanese War, as well as the first strategic aim of combat activities of the army and the navy of Japan. A legal assessment is given to steps of Japan aimed at the enslavement of Korea. Korea's attempts to maintain its neutrality are depicted. An attitude of Koreans to Russia and Japan before, during and after Russo-Japanese War is explained.

Key words: concerns and influence of Japan in Korea, a rivalry of Russia and Japan in Korea, protectorate, Portsmouth Peace Treaty.

Хидэмицу Акаги (автор выпущенного в 1936 г. в Токио на английском языке труда «Внешняя политика Японии. 1542—1936 гг.») по поводу причин Русско-японской войны писал следующее: «Русско-японская война была неизбежным результатом соперничества между Россией и Японией за гегемонию на Дальнем Востоке. Семена конфликта были посеяны трёхсторонним вмешательством*. Развитию конфликта содей-

* По результатам войны с Китаем 1894—1895 гг. Япония, согласно Симонсекскому мирному договору, получила «в аренду» Порт-Артур и Дальний. Под давлением Франции, Германии и главным образом России, потребовавших уважения «целостности китайской империи», Япония была вынуждена отказаться от этих территорий.

ствовало заключение секретного российско-китайского альянса*, за которым последовали сдача России в аренду Порт-Артура и строительство ветви Транссибирской железнодорожной магистрали через Северную Маньчжурию и далее по Ляодунскому полуострову. Формирование англо-японского союза усилило определённую эту тенденцию, и в конечном счёте её неминувость стала несомненной ввиду того, что Россия оккупировала Маньчжурию и посягнула на Корею. В этом конфликте ставками Японии были её национальная безопасность, право занимать положение, равное положению других держав, и даже само её существование как нации» [23, с. 217].

Популярный в США и в Европе историк Хидэмицу Акаги, выполнявший миссию пропагандиста японской дипломатии за рубежом, подчёркивал, что «Маньчжурия составляла лишь половину дальневосточной проблемы, представлявшей опасность для будущего Японской империи и приведшей к русско-японскому столкновению. Другую и более важную половину составляла Корея, и агрессия России в этом полуостровном государстве была такой же явной, как и в Маньчжурии» [23, с. 221—222].

Показывая важнейшее стратегическое значение Кореи для Японии, Х. Акаги использовал яркий образ: «Корея издавна была источником опасности для Японии, и все вторжения в нашу страну, имевшие место в прошлом, либо исходили с Корейского полуострова, либо проходили через него. Поэтому Корею расценивали как кинжал, нацеленный в сердце Японии, как причину постоянного раздражения и угрозы. Пока Корея была способна сохранять свою независимость, этот кинжал не был опасен для Японии. Но когда Корея оказывалась подконтрольной другой державе, она представляла угрозу самому существованию Японии. Поэтому в течение трёх последних десятилетий XIX в. Япония последовательно отстаивала дело независимости Кореи» [23, с. 113]. К данному пафосному высказыванию напрашивается комментарий: как известно, «последовательная борьба за независимость Кореи» закончилась установлением колониального господства Японии над этой страной и попытками уничтожить национальную идентичность корейцев за счёт их ассимиляции.

Подчёркивая первостепенную важность для Японии её позиций в Корее, Х. Акаги приводит выдержки из телеграммы министра иностранных дел Японии Дз. Комуры посланнику в Санкт-Петербурге Курино от 28 июля 1903 г.: «Если бы Россия выполнила соглашение о выводе её войск из Маньчжурии, то Япония придерживалась бы позиции „осторожной сдержанности“. Однако Россия не только отказалась от намерения оставить Маньчжурию, но и усиливает притязания на Корею... Безоговорочная и постоянная оккупация Маньчжурии создала бы положение

* Имеется в виду секретный военный договор между Россией и Китаем, подписанный 22 мая 1896 г. Согласно договору, Россия и Китай должны были в случае нападения на российскую территорию или на территории Китая либо Кореи оказывать друг другу поддержку с использованием всех наличных сухопутных и морских военных сил.

вещей, пагубное для безопасности и интересов Японии. Тем самым был бы отменён принцип равных возможностей и ослаблена территориальная целостность Китая... Но если бы Россия утвердилась на территории, прилегающей к Корее, это представляло бы постоянную угрозу для самостоятельного существования Корейской империи, или, по меньшей мере, сделало бы Россию доминирующей державой в этой стране. Корея — важный аванпост японской линии обороны, следовательно, Япония рассматривает независимость Кореи как абсолютно необходимое условие собственной независимости и безопасности... Политические, коммерческие и промышленные интересы Японии, а также влияние, которое она имеет в Корее, абсолютно перевешивают интересы и влияние других держав... Япония, учитывая требования собственной безопасности, не может согласиться ни на уступку этих интересов и влияния, ни на их раздел с другими державами» [23, с. 225].

Российское руководство же считало необходимым сохранить позиции в Корее и в то же время ограничить влияние Японии. Во время визита в Россию в конце 1901 г. одного из ведущих японских политических деятелей Ито Хиробуми (главной причиной посещения был корейский вопрос) Японии гарантировалась свобода действий в Корее при сохранении независимости, неиспользовании территорий страны в стратегических целях и признании преимущественных прав России в северной её части. Российская дипломатия даже к началу 1903 г. не рассматривала возможность отказаться от Кореи [8, с. 37].

На совещании 11 (24) января 1903 г. в МИД и 25 января (7 февраля) при участии министра иностранных дел В.Н. Ламсдорфа, министра финансов С.Ю. Витте, военного министра А.Н. Куропаткина и морского министра П.П. Тыртова в центре внимания была Маньчжурия, которую хотели любым путём закрепить за Россией. Участники совещания также в подавляющем большинстве выступали за заключение соглашения с Японией. Но никто из министров не понимал, что для достижения договорённости России придётся серьёзно уступить. Желая «возможно дружественных» отношений с Токио, Петербург тем не менее не хотел отдавать Корею «ввиду весьма серьёзного значения, которое в будущем Корея должна неминуемо иметь для русских государственных интересов». Но в чём заключалось это значение — внятно так и не прозвучало [3, с. 40—41].

По мнению И.В. Лукоянова, у России всегда имелось в Корее лишь два самостоятельных интереса: приобретение в южной или западной части её побережья незамерзающего порта и опасение того, что это государство, находящееся рядом с российскими слабо защищёнными рубежами, может стать плацдармом агрессии против империи [8, с. 38].

Тем не менее во многих документах, касающихся российской политики на Дальнем Востоке, с конца XIX в. встречаются заявления о «русском» будущем Кореи. Так, посланник в Японии М.А. Хитрово полагал, что «Корея от нас не уйдёт и рано или поздно станет нашим достоянием» [20].

Ставшие явными в конце 1903 — начале 1904 г. мероприятия японского флота и армии по подготовке морского десанта были неверно расценены российской стороной как направленные только на оккупацию Кореи, а не на прямые военные действия против России. В Отчёте Исторической комиссии, изучавшей ход Русско-японской войны, говорилось: «...Министерство Иностранных Дел видело главный объект японской агрессивной политики лишь в завладении Кореей, которое, по его мнению, как видно из хода переговоров, не должно было ещё быть причиной неизбежного столкновения с Японией... 16 января (29 января) 1904 г. в Артуре были получены директивы, определявшие политическую обстановку, при которых действия русских сил на море были бы необходимыми. Для личного сведения наместника сообщалось, что „в случае высадки японцев в южную Корею или по восточному берегу по южную сторону параллели Сеула, Россия будет смотреть сквозь пальцы, и это не будет причиной войны“. Северная граница оккупации Кореи и установление нейтральной зоны должны были определяться путём переговоров в Петербурге, до разрешения же этого вопроса высадка японцев до Чемульпо включительно допускалась» [14, с. 194].

Когда, несмотря на стремление руководства Российской империи избежать столкновения с Японией, война всё-таки началась, Россия рассчитывала её выиграть. Более того, в результате победы предполагалось значительно усилить российское влияние в Восточной Азии. В работе К. А. Саркисова приведена хранящаяся в архиве наместника на Дальнем Востоке адмирала Е. И. Алексеева анонимная записка «Концепция стратегии России в связи с войной», по-видимому, принадлежавшая высокопоставленному лицу. В ней ставились задачи оккупации Японии, навязывания ей мира, при котором Корея должна была отойти России. Также автор предлагал ввести войска в Пекин, расколоть Китай и присоединить к владениям России Маньчжурию, Кульджинский край и Китайский Памир. В записке говорилось: «Государственная задача России на Дальнем Востоке заключается в установлении там продолжительного мира, который дал бы нам возможность 1) упрочить своё политическое положение и пользоваться открытыми портами; 2) довести до минимума содержание вооружённых сил на Дальнем Востоке; 3) спокойно эксплуатировать местные богатства.

Для достижения этой государственной задачи предлагается теперь же решить вопросы корейский, маньчжурский и китайский, а именно присоединить к российским владениям Корею и Маньчжурию, а затем, вызвав общий раздел Китая, подчинить его северную часть.

Только первый из этих вопросов — присоединение Кореи — может быть решён в полном объёме посредством нынешней войны с Японией. Для этого надлежит, не ограничиваясь разгромом сухопутной японской армии, перенести военные действия в Японию, занять Токио или другой военный

пункт и продиктовать Японии такой мир, который надолго бы обессилил её в военном, политическом и экономическом отношениях и предоставил нам полное господство в морях Дальнего Востока» [15, с. 75].

К документу приложен комментарий, скорее всего принадлежавший Е.И. Алексееву. Ссылка на письмо-отношение в адрес управляющего Особого комитета Дальнего Востока говорит о том, что дискуссия носила официальный характер.

Автор отзыва на этот проект расхохотался с составителем только в вопросах тактики. Соглашаясь с необходимостью «вытеснения Японии с Азиатского материка», он полагал, что Корею присоединять не нужно, а следует установить там контроль по типу японского. Маньчжурию он предлагал присоединить к России, но считал, что при этом не следует раскалывать Китай, дабы сохранить с ним хорошие отношения и не допустить сближения с Японией «союза двух жёлтых рас против России» [15, с. 75].

Трактуя политику Российской империи в отношении Кореи, авторы вышедшего в 1974 г. коллективного труда «История Кореи (с древнейших времён до наших дней)» указывают: «Расстановка сил на Дальнем Востоке в начале XX в. была такова, что Россия оказалась единственной державой, препятствовавшей Японии полностью закабалить Корею.

В то же время в правящих кругах России сложилась влиятельная группировка, выступавшая за распространение в Корею империалистической политики царизма. „Безобразовская шайка“, состоявшая из близких к царю крайне реакционных элементов, выдвинула план создания „Желтороссии“, в которую помимо Маньчжурии входила бы и Корея. Этот авантюрный курс встретил противодействие возглавляемого С.Ю. Витте «триумvirата» министров, настаивавших на необходимости учёта реальных сил и проведении более осторожной и гибкой политики» [5, с. 382].

Известный российский кореевед Б.Д. Пак отмечал: «Несмотря на то, что у России и Японии были непримиримые противоречия на Дальнем Востоке, и обе стороны в ходе дипломатических переговоров не проявляли искреннего намерения разрешить их мирным путём, следует всё же признать, что российская дипломатия обнаружила большую уступчивость, стараясь отсрочить назревание военного конфликта» [12, с. 359].

Вместе с тем представляется убедительной точка зрения И.В. Лукьянова, полагающего, что царская Россия имела колониальные намерения в отношении Кореи, но «российский колониализм выделялся лишь слабостью возможностей, что, однако, накладывало существеннейший отпечаток на действия Петербурга на Корейском полуострове. Несмотря на амбициозные заявления, реально для полного обладания Кореей Россия не сделала почти ничего, ограничившись топографической съёмкой местности и приобретением некоторых концессий. Никаких сколько-нибудь разработанных планов завоевания Кореи в России не существовало — это факт» [8, с. 39].

С точки зрения норм современного международного права даже рассуждения о возможности «присоединения» суверенного государства воспринимаются как декларация беззакония. Однако в начале XX в. действовали другие способы решения международных споров, ведения войн и заключения договоров. В эпоху колониального раздела и передела мира международное право могло закреплять и оправдывать действия, недопустимые сегодня с точки зрения морали и социальной справедливости.

В период с 1648 по 1919 г. международные отношения регулировались юридическими отношениями и нормами, имеющими название «классического международного права». В числе особенностей такой системы Г.С. Стародубцев выделяет колониализм, а также «войну как нежелательный, но в целом законный способ разрешения международных разногласий» [17, с. 57].

Одним из результатов Русско-японской войны стало установление протектората Японии над Кореей. При изучении вопроса о законности его установления и последующей аннексии Кореи принципиально важно, что в конце XIX — начале XX в. была широко распространена «немецкая доктрина внешнего государственного права», известная также как нигилистическое направление в международном праве. Данная концепция не только оправдывала политику силы, но и утверждала, что поскольку в международных отношениях нет власти, стоящей над государством, то нормы международного права являются лишь моральными предписаниями, т.е. они необязательны к исполнению [9, с. 8].

Что касается таких демократических принципов международного права, как народный суверенитет, суверенное равенство государств, невмешательство во внутренние дела государства, неприкосновенность государственной территории и др., то они были официально закреплены в актах Французской революции (Декларации прав человека и гражданина и конституциях 1791 и 1793 гг.), но фактически постоянно нарушались. На основании решений, принятых на Венском конгрессе 1814—1815 гг., в международных отношениях утвердился «принцип легитимизма», предоставлявший одному государству право выступать гарантом внутреннего порядка другого государства. По сути, он провозгласил законность интервенции с целью «обеспечения сохранения территориальных приобретений, а также внутреннего правопорядка от революционных потрясений» [10, с. 31]. По мнению Д.Н. Козловой, установление протектората Японии над Кореей можно квалифицировать как одно из многочисленных проявлений на практике принципа легитимизма: Япония установила контроль над территорией, правитель которой был неспособен без привлечения внешней силы обеспечить внутренний правопорядок. Значит, с точки зрения европейских государств, к которым, главным образом, император Кореи обращался с нотами протеста по поводу действий Японии, шаги этой страны были вполне обоснованными, правомерными и законными.

В октябре 1907 г. военный министр США Тафт в официальной речи в Токио заявил, что «Япония на законном основании предприняла реформы в стране, дурно управляемой на основе методов XV века» [2, с. 58].

Институт протектората был широко распространён в мире в конце XIX — начале XX в. Он признавался и закреплялся международным правом того времени. Протекторат был видом империалистической экспансии в колониальных и полуколониальных странах. Он, как правило, базировался на договоре, согласно которому государство сильнейшее берёт на себя защиту (protection) слабейшего путём руководства внешними сношениями, более или менее интенсивного вмешательства в его внутреннюю жизнь, захвата его рынков. Протектируемое государство принимает советника по внутренним делам (резидента), сохраняя лишь видимость самостоятельности [4, с. 432].

Примеров этого явления в мировой истории чрезвычайно много. Индия Великих Моголов в 1803—1858 гг. была под протекторатом Великобритании. Грузия в 1786—1801 гг. — под покровительством России. Краковская республика со времени Венского конгресса до 1846 г. находилась под общим протекторатом России, Пруссии и Австрии. С расширением колониальной экспансии под подобную «защиту» стали попадать страны Азии, Африки, Океании, Карибского бассейна. Под протекторатом Англии: в Азии Британская Индия, Бахрейн, Мальдивы, Бруней, Саравак, Афганистан; в Африке — Нигер, Британская Восточная Африка, Занзибар, Замбези; в Австралии — острова Кука. Под протекторатом Франции находились Тунис, Тонкин и Аннам, Камбоджа, Марокко. Подобное явление наблюдалось и у других европейских государств — Германии, Бельгии и т.д. В 1868 г. протекторат России признал хан Бухары, в 1878 г. — Хивинский хан. Режим, весьма близкий к протекторату, осуществляли США по отношению к Кубе (с 1903 г.), Панаме (с 1903 г.), Гаити (с 1905 г.), Сан-Доминго (с 1907 г.) [7, с. 39].

Институт аннексии был также широко распространён и узаконен. На Берлинской конференции 1884—1885 гг. была принята «Декларация относительно условий, которые подлежат исполнению для того, чтобы новые завладения на берегах Африканского материка были считаемы действительными» [1, с. 127]. Эта декларация фактически положила начало легализации института аннексии. В международное право «цивилизованных народов» был введён общий институт колониальной экспансии [1, с. 127]. Великобритания аннексировала в 1902 г. южно-африканские республики, Бельгия — Конго в 1908 г., Сербия — Черногорию по окончании Первой мировой войны.

Таким образом, установление протектората и аннексия слабых государств были широко распространённой практикой в начале XX в. и нормой того времени. Поэтому ни правители иностранных государств, ни мировая общественность не могли быть шокированы установлением про-

тектората Японии над Кореей, ни последующей её аннексией. Точно также ничего из ряда вон выходящего не было и в рассуждениях представителей правящих кругов царской России насчёт «завладения» Кореей.

Конечно, изложенные выше соображения не могут служить оправданием колониального закабаления Кореи Японией, которое принесло жестокую экономическую эксплуатацию, подавление национальной культуры и языка, жертвы, связанные с вынужденным участием местных жителей в агрессивных войнах, развязанных японским милитаризмом. Такое господство оставило глубокую рану в национальном сознании корейцев и стало причиной сохраняющегося взаимного отчуждения между двумя народами. В связи со столетием аннексии Кореи 105 представителей японской интеллигенции вместе со 107 южнокорейскими учёными, публицистами и издателями 10 мая 2010 г. опубликовали заявление, имеющее недвусмысленный заголовок: «Процесс аннексии Кореи был несправедливым и незаконным, договор об аннексии также несправедлив и незаконен». Основной вывод специалистов двух стран свёлся к тому, что аннексия Кореи была результатом продолжительной агрессии и захвата корейской территории японской армией, убийства императрицы, запугивания императора Кореи и высших чиновников страны*, а также жестокого подавления сопротивления корейского народа [26, с. 105].

Корея была не только «яблоком раздора» в конфликте Японии с Россией, но и первой стратегической целью вооружённых сил Японской империи. Генеральный штаб японской армии составил общий план операций на начальный период войны, который, в частности, включал следующие пункты: «1. Силами трёх дивизий оккупировать Корею прежде, чем это сделает противник. В случае, если господство на море ещё не полностью перешло в наши руки, силами одной дивизии оккупировать Сеул. 2. Основным театром военных действий станет Маньчжурия, где основные силы императорской армии должны будут атаковать полевую армию противника, для чего необходимо прежде всего действовать на ляоянском направлении. 3. Второстепенным театром военных действий станет Приморский край, где силами одной дивизии будут вестись отвлекающие действия» [16, с. 27].

В течение января 1904 г. был сформирован экспедиционный отряд в составе четырёх пехотных батальонов (около 2500 человек) с задачей занятия Сеула. Экспедиционный отряд возглавил командир 12-й пехотной бригады генерал-майор Кигоси Ясуцуна [14, с. 35—40].

* Императрица Мин (супруга корейского монарха императора Коджона), которую руководство Японии рассматривало как лидера пророссийской группировки в корейской элите, в 1895 г. была убита по приказу японского посланника в Корею. Император Коджон в 1907 г. под давлением японцев уступил трон старшему сыну. Корейский монарх был смещён после того, как он направил на Гаагскую мирную конференцию делегацию с посланием, разоблачавшим насильственные действия Японии в Корею.

Первым залпом Русско-японской войны была торпедная атака японских миноносцев против российской канонерской лодки «Кореец» во второй половине дня 8 февраля 1904 г. [15, с. 182]. Посланный в Порт-Артур распоряжением российского консула в Инчхоне «Кореец» при выходе из бухты Чемульпо встретился с четвёртым Боевым отрядом японского флота, сопровождавшим суда с десантом. Российская канонерская лодка избежала попадания торпед, но была вынуждена вернуться на якорную стоянку Инчхона. С 17:30 8 февраля до 02:30 9 февраля 1904 г. происходила выгрузка на берег японского экспедиционного отряда с транспортных судов под прикрытием крейсеров «Такатихо», «Тиёда», «Акаси» и миноносцев. Результатом высадки тактического по силам, но стратегического по целям десанта стала оккупация столицы Кореи и захват одного из ключевых корейских портов [14, с. 192].

Прибытие в Корею основных японских сил началось в середине февраля 1904 г. К середине марта между Инчхоном и пограничной рекой Амноккан размещалось уже около 100 тыс. японских солдат. В конце апреля они форсировали Амноккан. На китайском берегу произошло первое крупное сражение, закончившееся поражением русских войск.

Очевидно, своему продвижению и размещению на территории Кореи японцы придавали огромное значение. Хотя на Корейском полуострове в период продвижения японских армий не было широкомасштабных действий противоборствующих сторон, бои местного значения проходили. По мнению английских военных специалистов, российское военное командование проявляло неоправданную пассивность при использовании в Корее своей кавалерии, которая превосходила японскую. «Возможно, именно недооценка корейского театра военных действий обусловила дальнейшие просчёты и поражение российской стороны в войне» — отмечает южнокорейский исследователь Пак Чон Хё [13, с. 193].

Накануне Русско-японской войны корейское правительство, будучи уверено, что переговоры между Россией и Японией вряд ли приведут к положительным для корейского государства результатам, считало главной задачей сохранение и укрепление дружественных отношений с Россией с целью использования её в борьбе против японских притязаний. Также оно считало, что для ограждения страны от покушений со стороны Японии необходимо объявить Корею нейтральным государством.

В октябре 1903 г. военный агент в Сеуле капитан Потапов телеграфировал наместнику на Дальнем Востоке адмиралу Е.И. Алексееву, что корейское правительство обратилось к русскому с предложением о нейтралитете Кореи, но ответ русского правительства задерживался ввиду продолжавшихся русско-японских переговоров [13, с. 361].

Этим обстоятельством немедленно воспользовался министр иностранных дел Японии, который передал следующую телеграмму импе-

ратору Коджону: «Нам известно, что корейское правительство послало агента в Россию просить об объявлении Кореи нейтральной. С такой же просьбой правительство обращалось и к нам. Россия может легко обещать, но также легко и не исполнить обещание. Уже давно Япония объявила, что Корея останется нейтральной в случае, если одна нация объявит войну. Если какая-нибудь держава дерзнёт оспаривать японское влияние в Корее, Япония решила бы оказать самое действительное сопротивление. Корейское правительство должно просить нейтралитета только с открытием военных действий. Чтобы охранять свой нейтралитет, Корея должна быть достаточно сильной и богатой. Надо для этого обеспечить спокойствие императорского дома, реорганизовать финансы и армию. Спокойствие императорского дома, без сомнения, много зависит от корейских политических преступников, скрывающихся в Японии. Проездом через Корею я говорил Вашему Величеству, что японское правительство зорко следит за заговорщиками, которых Вы очень опасаетесь. Таким образом, уже давно Япония покровительствует Корее и охраняет спокойствие Вашего дома. Если Вашему Величеству угодно, чтобы финансы и армия были реорганизованы японцами, Япония, как бы это ни было трудно, охотно исполнит Вашу просьбу. Ждём немедленного ответа Вашего Величества» [13, с. 362].

В этой телеграмме Япония изложила претензии корейской стороне, умело связав их с желанием Коджона покончить с политическими противниками, а вопрос о нейтралитете Кореи увязала с установлением фактического протектората над суверенной страной.

Но корейский двор решил твёрдо проводить курс на объявление корейского суверенитета, видя в нём путь к спасению государства от японских посягательств. В ноябре 1903 г. Коджон отправил в Санкт-Петербург флигель-адъютанта Хиен Сан Гэна со специальным посланием к Николаю II. Российский император принял корейского посланника и через него передал Коджону письмо, в котором гарантировал независимость Кореи и её поддержку Россией [13, с. 149].

16 (28) января глава российской миссии в Сеуле А. И. Павлов, который ранее негативно оценивал перспективы нейтрализации Кореи, передал императору Коджону содержание только что полученной из Санкт-Петербурга телеграммы: «Заявление о сохранении Кореей нейтралитета в случае столкновения между Россией и Японией встречено вполне сочувственно Императорским правительством, и последнее с удовольствием приняло к сведению данные по этому вопросу заверения».

Ещё до поступления этой депеши корейский МИД при содействии российского и французского консульств в Шанхае приступил к рассылке заверенных гербовой печатью телеграмм с официальным заявлением о нейтралитете Кореи. Послания были адресованы правительствам Австрии, Великобритании, Германии, Италии, Китая, России, США,

Франции и Японии. В дипломатических кругах Великобритании и других стран выразили декларативное сочувствие настойчивой инициативе Сеула, но не более [6, с. 254].

Между тем время для взаимоприемлемого решения корейского вопроса было упущено. 6 февраля 1904 г. российской стороне передали ноту Японии о прекращении переговоров и разрыве дипломатических отношений. Главной причиной прекращения переговоров был назван корейский вопрос: «Последовательное отвержение Российским Императорским правительством, через недопустимые поправки, предложений Японии касательно Кореи, принятие коих императорское правительство считало необходимым как для обеспечения независимости Корейской империи, так и для охраны преобладающих интересов Японии на полуострове» [22, с. 158—159].

Стремление корейских властей провозгласить нейтральный статус Кореи не помешало Японии навязать Сеулу ряд соглашений, согласно которым Корея становилась чуть ли не союзницей Японии в противоборстве с Россией. Так, опираясь на военную силу, японские оккупанты навязали Корею «Японо-корейский протокол», который обязывал договаривающиеся стороны оказывать друг другу взаимную поддержку, и Япония получала право использовать корейскую территорию в качестве базы для военных действий против России [11, с. 21].

Во время Русско-японской войны корейцы оказывали русским большую помощь в сборе ценной секретной информации о японской армии. Например, как следует из донесения российского посланника в Сеуле А.И. Павлова, ещё за несколько месяцев до начала войны «капитану Потапову была доставлена, под большим секретом, копия подробного проекта дислокации японских войск при оккупации ими Корейского полуострова на случай открытия военных действий между Японией и Россией» [13, с. 209].

Многие корейцы мужественно сражались против японских оккупантов. Один из первых партизанских отрядов был создан весной 1904 г. видным деятелем освободительного движения Кореи Ли Бом Юном в провинции Хамгённандо. Ли Бом Юн в 1902 г. был губернатором района Кандо, расположенного на левом берегу реки Туманган — места поселения корейцев в Восточной Маньчжурии. Отряд Ли Бом Юна численностью более 1 тыс. человек осуществил ряд успешных операций против японских войск. Другой отряд организовал бывший юнкер российского Чугуевского военного училища Хиен Хон Кин. На севере страны возникло несколько крупных отрядов из местных охотников. В марте 1904 г. отряд из 300 человек почти сутки вёл бой с японским подразделением, высланным против него из гарнизона в Вонсане. В районе Пхеньяна немало беспокойства японцам причинял отряд из 500 солдат, уволенных из корейской армии. В центральных и южных провинциях действовали небольшие партизанские отряды [13, с. 211].

Партизаны Ли Бом Юна призывали население северных районов Кореи вступать в отряды «Ыйбён» («Армии справедливости»), и представители различных слоёв населения на это откликнулись. Со своей стороны российское командование для поддержки партизанского движения переправило в Северную Корею кавалерийский отряд из 3 тыс. человек. Его командиром был Ким Ин Су (в русских документах Виктор Ким), который помимо того, что налаживал сбор информации для русских, сумел установить связь с корейскими партизанами. 25 июля 1905 г. отряды «Ыйбён», действовавшие совместно с русскими кавалеристами в районе горы Пэксан, имели ряд стычек с японскими войсками. В боях в горном районе Чжончжонбовы японцы потерпели поражение [13, с. 212].

Оккупировав корейскую территорию, японские власти ввели на ней военное положение. Жестоким карам подвергались люди, обвинённые во вреде японским войскам. В период с июля 1904 г. по октябрь 1905 г. за порчу железнодорожных путей и телеграфных линий были осуждены 257 корейцев, 35 человек казнены [24, с. 7].

19 мая 1904 г. японцы заставили корейского императора издать указ об аннулировании всех договоров между Россией и Кореей и дать предписание его представителю в России Ли Бомчжину выехать из Санкт-Петербурга. После опубликования этого указа и предписания император Коджон через французского представителя в Сеуле виконта Фонтэнэ сообщил русскому правительству, что он в течение трёх месяцев сопротивлялся требованию японцев и уступил, убедившись, что дальнейшее сопротивление приведёт к свержению его с престола, но что «он по-прежнему всецело предан России» и при первой возможности «отменит указ, изданный им по принуждению японцев под давлением открытой силы», что предписание Ли Бомчжину покинуть Санкт-Петербург было составлено под нажимом японцев и что император желал бы, чтобы его представитель не оставлял свой пост [11, с. 21].

Российская сторона разрешила Ли Бомчжину и другим членам корейской миссии оставаться в Санкт-Петербурге и выделяла необходимые денежные средства на их содержание. В годы Русско-японской войны корейская дипломатическая миссия под руководством Ли Бомчжина стала важнейшим центром по сбору и обработке ценных сведений о военных силах, расположении, передвижениях, действиях и намерениях японской армии, об обстановке в Корее и Маньчжурии. Оставаясь в Санкт-Петербурге, Ли Бомчжин оказывал всяческое содействие России в войне против Японии. Его деятельность преимущественно в качестве разведчика, проведённые им точные подсчёты численности японских войск, сведения об их диспозиции были особенно ценны ввиду катастрофической нехватки на начальной стадии войны специалистов с глубоким знанием языков стран дальневосточного региона среди российских дипломатов, военных атташе, тайных агентов. Так, вернувшись в мае 1904 г. из кратковременной

поездки в Германию, Ли Бомчжин передал российскому МИД важные данные. В частности, он просил министра иностранных дел В.Н. Ламсдорфа сообщить командующему Маньчжурской армией А.Н. Куропаткину, что, по добытым им сведениям, общая численность японских войск в Корее и на Ляодунском полуострове составляет 300 тыс. чел., что японское правительство «прибегает даже к вербовке юношей несоответствующего возраста» [11, с. 22.] Принципиально важно, что, будучи активным сторонником дружественных и союзнических отношений между Россией и Кореей, Ли Бомчжин ранее делал всё от него зависящее, чтобы воспрепятствовать продлению российской лесной концессии на реке Амноккан и предоставлению российскому правительству земельных участков в открытых портах на юго-восточном побережье Кореи. Поступая так, Ли Бомчжин защищал суверенитет государства и стремился избежать обострения соперничества держав вокруг Кореи [11, с. 13].

Вместе с тем следует отметить и другую сторону проблемы: довольно широкое распространение в Корее до и во время войны антирусских настроений. Соперничество между Россией и Японией вокруг Кореи воздействовало на сознание корейских подданных. В частности, сказывалась активная пропаганда Японией идеи «общности интересов японцев и корейцев» в противостоянии России. При прямом содействии японских властей произошла консолидация прояпонских элементов. В августе 1904 г. бывший военный служащий Юн Сибён и высокопоставленный чиновник Ли Гонхо основали Юсинхве (Общество реставрации), вскоре переименованное в Ильчинхве (Единое прогрессивное общество). Подлинным руководителем организации был японский ставленник Сон Бёджун, служивший переводчиком в японской армии. Общество уверяло, что его целью является сохранение независимости Кореи, поддержание достоинства императорской фамилии, защита безопасности и имущества населения. Оно обещало содействовать преобразованию управления страной, развитию национальной экономики. С помощью демагогии и угроз Ильчинхве расширяло свои ряды главным образом за счёт отсталых слоёв населения [5, с. 384].

Ильчинхве оказывало активную помощь Японии в военных действиях против России, засылало шпионов в русскую армию. При помощи угроз и тенденциозной пропаганды члены общества проводили мобилизацию корейского населения на строительство железных дорог военного назначения и на перевозку военных материалов и снаряжения. Так, всего за два месяца (октябрь—ноябрь 1904 г.) и только в пределах уезда Анчжу провинции Южная Пхёнан на работы военного характера было завербовано 26 697 корейцев. С октября 1904 г. по сентябрь 1905 г. предатели из Ильчинхве мобилизовали 72 900 чел. в провинции Северная Пхёнан, а в пяти уездах (Кымчхон, Понсан, Хванчжу, Сохын и Пхёнсан) провинции Хванхэ — 11 514 чел. С 10 июня по 20 октября 1905 г. на пе-

ревозку военного снаряжения было завербовано 114 500 жителей провинции Южная Хамгён [21, с. 79—80].

Враждебно относились к России и некоторые корейские патриоты, самоотверженно боровшиеся за независимость Кореи, против её закабаления Японией. Национальный герой Кореи Ан Джунгын в октябре 1909 г. застрелил на вокзале г. Харбина видного японского политического деятеля Ито Хиробуми, сыгравшего важную роль в подчинении Кореи. В последнем слове в качестве обвиняемого на судебном процессе в Порт-Артуре Ан Джунгын сказал: «Его императорское Величество император Японии в 1904 г. издал эдикт, провозгласивший начало войны Японии против России. Суть эдикта сводилась к тому, что целями войны были сохранение мира на Востоке и упрочение независимости Кореи. Поэтому корейцы в то время испытали воодушевление. Во всяком случае, во время Русско-японской войны многие корейцы действовали в интересах японцев. Когда был заключён мирный договор между Японией и Россией, это стало триумфом японской армии, и корейцы радовались так, как если бы это был триумф их собственной страны. Они говорили, что теперь независимость Кореи будет всё более прочной.

Однако после этого князь Ито Хиробуми получил назначение на пост генерального резидента в Корею, был заключён договор из пяти статей*, противоречащий цели укрепления независимости Кореи. Поэтому и в верхах, и в низах корейского общества испытывали горькие чувства, люди выражали протест» [18, с. 317—318].

Далее, в сочинении «Трактат о мире на Востоке», начатом, но не завершённом до казни героя в порт-артурской тюрьме 26 марта 1910 г., Ан Джунгын обвинял Россию в «насилии и безжалостной жестокости». Он утверждал, что «Небо, чтобы положить этому конец, при помощи небольшого государства Япония одним ударом кулака уложило в Маньчжурии такую мощную державу, как Россия». Борьбу между Японией и Россией он оценивал как «соперничество жёлтой и белой рас» [19, с. 177]. В другом месте трактата Ан Джунгын отмечал: «Одержавшая множество удивительных побед и преобразованная Япония поставила под свой гнёт самую близкую, самую дружественную, добродушную и слабую нацию своей же расы — корейцев... В мыслях многих людей по всему миру возникли сомнения, в одно утро великие заслуги и славная репутация Японии преобразились, и она стала выглядеть ещё более худшей страной, чем погрязшая в варварстве Россия» [19, с. 178].

Анализируя высказывания Ан Джунгына во время судебного процесса и его сочинение «Трактат о мире на Востоке», впервые опубликованные на русском языке в Москве в 2012 г., необходимо объяснить мотивы его

* Японо-корейский договор о протекторате (или Конвенция о контроле Японии над внешними сношениями 4 (17) ноября 1905 г.), заключённый путём применения насилия.

враждебности к России. Ан Джунгын после совершения теракта в г. Харбине был арестован российской полицией и передан японским властям. Но и с учётом этого обстоятельства можно полагать, что взгляды корейского патриота отражали сложное, противоречивое отношение к России и к Японии, существовавшее у многих патриотически настроенных корейских интеллигентов в начале XX в. Как отмечает Владимир Тихонов, «с одной стороны, после установления японского протектората в 1905 г. и с началом процесса колонизации Кореи, для корейских националистов, выступавших за независимость своей страны, Япония была главным политическим врагом. Некоторые из них, например, Пан Унстик (1859—1925), принимали классификацию стран по схеме «Восток-Запад», в соответствии с которой Корея и Япония должны были вместе рассматриваться как принадлежащие к одной категории «восточных стран». Но, особенно после полной колонизации Кореи Японией в 1910 г., они настойчиво подчёркивали «природные» и непримиримые различия двух наций. При том, что Корею следовало бы многое усвоить из опыта модернизации Японии, корейцы обладали качествами, каких совсем не было у японцев. Например, Японию считали страной буддистской и одновременно милитаристской по природе, в то время как Корея была конфуцианской и более миролюбивой» [25].

Поражение России в Русско-японской войне 1904—1905 гг. означало слом баланса сил между Японией и Россией, соперничавших за влияние в Корею. Военная победа Японии устранила препятствия для полного колониального закабаления Кореи. Согласно Портсмутскому мирному договору Корея была целиком признана сферой японского влияния. Однако в протокол Портсмутской конференции по настоянию русской делегации было внесено обязательство Японии согласовывать с корейским правительством все меры, затрагивающие суверенитет Кореи. Это была последняя попытка России не допустить окончательного поглощения Кореи Японией.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Баскин Ю.А., Фельдман Д.И. История международного права // Международные отношения, М., 1990. С. 127.
2. Василевская И.И. Колониальная политика Японии в Корею накануне аннексии (1904—1910 гг.). М., 1975. 58. с.
3. Журнал Особого совещания 25 января 1903 г. // Красный архив. 1932. № 3(52). С. 111. Цит. по Лукоянов И.В. Последние русско-японские переговоры перед войной 1904—1905 гг. Взгляд из России. Представление о зарубежных странах в России в начале XX века. Взгляд на Америку и Русско-японская война. Токио. 2012. Март. С. 40—41.
4. История дипломатии. Т. 2. Государственное издательство политической литературы. М, 1963. С. 432.

5. История Кореи (с древнейших времён до наших дней). Том I. АН СССР. Институт Востоковедения. М.: Наука. 1974. С. 382—383.
6. История Кореи. Новое прочтение / под ред. проф. А.В. Торкунова, РОССПЭН, М., 2003. С. 254.
7. Коровин Е.А. Современное международное публичное право. Москва—Ленинград. 1926.
8. Лукоянов И.В. Последние русско-японские переговоры перед войной 1904—1905 гг. Взгляд из России // Представления о зарубежных странах в России в начале XX в. Взгляд на Америку и Русско-японская война. Токио. 2012. С. 37—39.
9. Международное право. Изд-во «Юридическая литература», М., 1999.
10. Международное право // Международные отношения. М., 2000.
11. Пак Б.Б. Российско-корейские отношения и Ли Бомчжин накануне и в годы Русско-японской войны 1904—1905 гг. Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 13. Изд-во Санкт-Петербургского ун-та. СПб. 2011. С. 13, 21—22.
12. Пак Б.Д. Россия и Корея. М., ИВ РАН, 2004. С. 359, 361.
13. Пак Чон Хё. Русско-японская война 1904—1905 гг. и Корея. М., 1997. С. 149, 193, 209, 211, 212, 362;
14. Полутов А.В. Десантная операция японской армии и флота в феврале 1904 г. в Инчхоне. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Владивосток, 2009. С. 35—40; 182; 192; 194.
15. Саркисов К. Путь к Цусиме. По неопубликованным письмам вице-адмирала З.П. Рожественского. Изд-во «Аврора». СПб., 2012.
16. Секретная история японо-русской войны 37—38 гг. Мэйдзи. В 3 т. Издание Генерального штаба. Токио: Ганнандо сётэн, 1977. Т. 1, С. 111. Цитата по А.В. Полутов. Десантная операция японской армии и флота в феврале 1904 г. в Инчхоне. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Владивосток, 2009. С. 27.
17. Стародубцев Г.С. История международного права и его науки. М., 2006.
18. Стенограмма судебного процесса над Ан Джунгыном. Цит. по Ан Джунгын. Национальный герой Кореи. Очерки, документы, материалы. Москва. 2012.
19. Трактат о мире на Востоке. Цит. по Ан Джунгын. Национальный герой Кореи. Очерки, документы, материалы. Москва. 2012. С. 177, 178.
20. Хитрово М.А. — Лобанову-Ростовскому А.Б., б/д. [после 21 февраля 1896 г.] (черновик) // Отдел рукописей института русской литературы РАН. Цит. по Лукоянов И.В., ук. соч. С. 38.
21. Шипаев В.И. Колониальное закабаление Кореи японским империализмом (1895—1917). М.: Наука, 1964. С. 79—80.
22. «Японская белая книга». Маньчжурия и Корея. Издание Канцелярии Особого комитета Дальнего Востока. СПб, 1904. С. 228, док. № 48. Цит. по Пак Чон Хё, ук. соч. С. 158—159.
23. Roy Hidemitsu Akagi. Japan's Foreign Relations. 1542—1936. A Short History. Tokyo, Hokuseido Press. 1936. P.217; 221—222.
24. Matsuda Toshihiko. Governance and Policing of Colonial Korea: 1904—1919. International Research Center for Japanese Studies. Kyoto. 2011. P. 7.
25. Vladimir Tikhonov (Oslo University). The Image of Japan in the Eyes of Korea's New Intellectuals in Early Twentieth Century: Tradition, Modernity and Hegemony (A manuscript).
26. Канкоку хэйго но катэй ва фути футо дэ ари, хэйго но дзёяку мо фути футо дэ ару. Канкоку хэйго 100 нэн. — Никкан тисикидзин кёдо сэймэй = Процесс аннексии Кореи был несправедливым и незаконным, Договор об аннексии Кореи также несправедлив и незаконен. 100 лет аннексии Кореи. Совместное заявление представителей интеллигенции Японии и Республики Корея // Сэкай. 2010. № 7.